

Шевченко О. Г. Психологизм поэзии Э. Бронте (на примере стихотворения «Remembrance» и его русских переводов) / О. Г. Шевченко // Научный диалог. — 2018. — № 2. — С. 197—209. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-197-209.

Shevchenko, O. G. (2018). Psychologism of E. Bronte's Poetry (by Example of Poem "Remembrance" and Its Russian Translations). *Nauchnyy dialog*, 2: 197-209. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-197-209. (In Russ.).

УДК 81'255.2

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-197-209

Психологизм поэзии Э. Бронте (на примере стихотворения «Remembrance» и его русских переводов)

© Шевченко Ольга Геннадьевна (2018), кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарного образования, Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск, Россия), olga-ivleva@yandex.ru.

Рассматривается значение и глубокий психологизм одного из самых известных стихотворений Эмили Бронте «Воспоминание». Уделяется внимание анализу переводов этого стихотворения на русский язык. Представлены результаты сопоставительного анализа двух переводов стихотворения, выполненных известной переводчицей поэзии Э. Бронте Т. Гутиной и переводчиком под псевдонимом Ш. Фенн. Поднимается вопрос об актуальности изучения поэзии Эмили Бронте с позиций психоанализа. Особое внимание уделяется вопросам эквивалентности и адекватности при переводе поэзии. Определяются ключевые позиции анализа переводов стихотворения Э. Бронте, необходимые для передачи смысла ее поэзии. Новизна исследования состоит в том, что Эмили Бронте, автор романа «Грозной перевал», хорошо известного русским читателям, совершенно неизвестна своей поэзией, которая по праву достойна внимания читателей. Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения базовых ключевых позиций перевода поэзии, а именно: сохранения при переводе логического содержания, ритмико-мелодического рисунка, стилистической экспрессии. Приводятся факты, убеждающие, что для стихотворения «Воспоминание» основополагающим является передача ритма похоронного марша, так и не осуществленная переводчиками в полной мере. Автор останавливается на анализе системы образов, а также тех формальных характеристик стихотворения, которые вносят свой вклад в понимание его глубинного смысла.

Ключевые слова: поэзия Эмили Бронте; стихотворение «Воспоминание»; адекватность; эквивалентность перевода.

1. Введение

Эмили Джейн Бронте, автор одного из самых читаемых английских романов о любви «Грозовой перевал», считается гениальным прозаиком. Вместе с тем Э. Бронте также и неординарная поэтесса, психолог и философ. Ее несентиментальное восприятие действительности раскрывает отношение к смерти, раю и аду. Стихи поэтессы отличает тонкий психологизм, острая постановка нетривиальных проблем мировосприятия человека [Gezari, 2007, p. 5; Черкесова].

Однако поэтическое творчество Э. Бронте не было оценено ни ее современниками, ни представителями нашего времени. Отсутствие популярности поэзии Э. Бронте связано с тем, что ее поэзия не только малоизвестна, но и достаточно сложна для восприятия, в большинстве ее стихов присутствует вымышленный мир Гондал, придуманный тремя сестрами Бронте и их братом. Критики расценивают ее стихи как незрелые, загадочные, непонятные и бессмысленные, героев стихотворений Э. Бронте часто называют оторванными от реальности [Leavis, 1953, p. 25].

Ю. В. Дьяченко отмечает, что, несмотря на многочисленную критическую литературу о творчестве сестер, до сих пор не хватает глубокой характеристики их поэзии. Только в 1990 году в собрании сочинений сестер (сост. Е. Ю. Гениева) выходит в свет перевод всех стихотворений сестер Бронте, выполненный Т. Гутиной [Дьяченко, 2015, с. 10].

В целом поэзия Э. Бронте носит трагический и протестный характер, она пропитана жалобами на одиночество и несбыточными мечтами о счастье. В ее поэзии часто можно встретить образы преждевременно ушедших в иной мир героев, тогда как в земном мире продолжает кипеть бурная жизнь. Э. Бронте описывает природу, созвучную переживаниям человека [Гражданская]. Эти центральные темы поэзии Э. Бронте рассматриваются в одном из самых известных ее стихотворений «Воспоминание» («Remembrance») [Бронте]. Оно принесло ей славу талантливой поэтессы, не менее оригинальной, чем Блейк, Шелли и Байрон [Gezari, 2007, p. 48].

Цель данного исследования — лингвопоэтический анализ стихотворения «Воспоминание», предполагающий сравнение оригинала с переводами, приближающий к пониманию секрета обаяния стихотворения, которое привлекло пристальное внимание читателей в середине XIX века.

При рассмотрении художественного произведения необходимо выбрать критерии анализа, среди которых исследование способов введения ключевых концептов и, соответственно, установление того, что необходимо сохранить при переводе. Далее нужно поставить цель критики перевода. Цели могут быть различными: научными (выявление закономерностей

изменения норм перевода в различные исторические эпохи); культурологическими (выявление тенденций в адаптации текста); дидактическими (выявление закономерностей художественного перевода) [Михайлова, 2007, с. 188]. При этом, какими бы ни были цели анализа переводов, в большинстве случаев они сводятся к определению эквивалентности / адекватности двух текстов, см. об этом: [Воскобойник, 2002, с. 6; Кашкина, 2016, с. 114; Леонтьева, 2012, с. 96; Тарасова, 2016, с. 83].

При сопоставительном анализе оригинала и переводов сначала устанавливается их эквивалентность на уровне поэтической формы с помощью лингвистических и стиховедческих критериев. И только после этого можно переходить к вопросу об адекватности перевода оригиналу в аспекте прагматико-эстетической эффективности формальных элементов. Здесь перед переводчиком стоит задача донести информацию до читателя, поэтому именно анализ прагматики текста [Воскобойник, 2002, с. 8], а также выявление субъективных оценок [Леонтьева, 2012, с. 101], а не изучение семантики и синтаксиса становятся приоритетными в переводческой деятельности.

2. Тема и формальные характеристики стихотворения «Воспоминание»

«Воспоминание» поднимает тему смертельного горя, отсутствия дорогих, уже умерших людей, декларируя предписание, данное женщинам XIX века, — помнить об умерших и скорбеть. Дж. Джекзари полагает, что воспоминания в данном стихотворении описываются автором с психоаналитической точки зрения и поэтому Э. Бронте названа предвестницей психоанализа [Gezari, 2007, p. 42].

Э. Бронте считает, что воспоминания никогда не умирают, даже во сне, и этим она превосходит учение Фрейда. Психоанализ делает воспоминания предметом для анализа. Э. Бронте считает, что воспоминания — то, что никогда не перестает причинять боль, они сродни скорби и отчужденности.

В основе стихотворения «Воспоминание» находится глубокое психологическое противоречие между стремлением лирической героини жить полной жизнью после потери любимого человека и невозможностью его забыть.

Предположим, что скорбь — бесконечный эмоциональный дисбаланс, смятение, горе и дисгармония. Выходит, что женщине такая скорбь слаще спасительной уравновешенности утешения, меланхолии и обычной радости? Очень точно суть «Воспоминания» выражает Дж. Джекзари [Там же,

р. 54]: целенаправленное риторическое горе героини служит маской женщины, наполненной амбициозной гордостью. Но противоречие, на котором построено поэтическое повествование в стихотворении, проистекает не из личной психологической активности героини, а из ее глубоких переживаний по поводу того, можно ли забыть умершего близкого человека.

Проанализируем формальные характеристики стихотворения и выясним, для каких целей они служат.

В своих стихах Э. Бронте очень умело использует женские рифмы и окончания. Грациозное использование женских окончаний Э. Бронте применяет постоянно в произведениях, где нерифмующиеся женские окончания — *heaven / water; cloudy / thunder; shadow / blossom* — вступают в противоречие с мужскими рифмами — *high / sky; begun / sun; rain / vain / pain*.

Показательна и система рифмовки в этом стихотворении. Э. Бронте рифмует *spring* с *suffering*, чтобы сделать мужское окончание вместо обычного женского окончания и рифмует один слог, не два, для того, чтобы создать контраст с единственной стихотворной тройной рифмой (*Decembers / remembers*) тоже в этой строфе. Женские окончания в «Воспоминании» участвуют в создании ритмического эффекта медленного марша.

Большая часть «Воспоминания» написана пятистопным ямбом, но некоторые строки начинаются хореем. В первой стопе некоторых строк стихотворения наблюдаем повторяющуюся замену хореев ямбом и сильную цезуру после второй строфы. Дж. Джезари описывает такой прием как создающий эффект шагающих под похоронный марш ног [Там же, р. 56]. Это самый медленный ритм, известный в английской поэзии, и самый мрачный.

Местоимения *thee* и *me* и их варианты *thine* and *mine* появляются в конце каждой четной и нечетной строчки и, как ударные и безударные слоги, вносят свой вклад в формирование особого медленного ритма.

Первые строчки первых двух строф стихотворения содержат 12 слогов, которые противопоставляются десяти слогам в следующей строке, а затем снова идет расширение до 12.

Безусловно, для лирической поэзии часто первостепенной является передача звукового рисунка, интонационного строя и ритмико-мелодического рисунка в переводе.

3. Сопоставление формальных характеристик в переводе и оригинале

Перевод (А), выполненный Т. Гутиной [Воспоминание], несколько утрачивает специфичный ритм, свойственный оригиналу. Перевод написан пятистопным ямбом, что в основном совпадает с оригиналом, но в пе-

реводе нет характерной для оригинала смены хорей ямбом и сильной цезуры после второй стопы. Количество слогов в первых строках стиха также не содержат противопоставления 12-10-12. Однако чередование женских и мужских окончаний в переводе было сохранено. В третьей строфе перевода (А) также нет тройной рифмы. Также в переводе (А) нет повторяющихся местоимений *тебя, ты, мой, меня*, которыми заканчивается большинство строк оригинала и которые вносят свой вклад в создание медленного ритма. Такие несоответствия в переводе и оригинале приводят к искажению ритма оригинала.

Перевод (Б), выполненный Ш. Фенн [Памяти], также не совпадает размером с оригиналом. Перевод написан шестистопным ямбом. Противопоставления 12-10-12 нет, как и характерных повторений окончаний *me, thee*. Но есть чередование женских и мужских окончаний. Переводчик не использует цезуры, что ведет к снижению экспрессии.

При формальном сопоставлении характеристик оригинала и переводов мы видим частичные несовпадения. Ритм скорби, плача и отчужденности слышен в переводах, но всего арсенала средств, передающих характерный медленный ритм оригинала в переводах нет. Таким образом, можно говорить лишь о частичной эквивалентности текстов перевода тексту оригинала.

4. Система образов оригинала и анализ образной системы переводов

Далее сопоставим систему образов оригинала и переводов. «Воспоминание» открывается двумя строками, выражающими плач по давно умершему. Первое полное предложение в стихотворении представлено в форме вопроса «*Have I forgot, my only Love, to love thee?*» [Bronte]. Как и другие вопросы стихотворения, вопрос второй строфы, а также вопрос, которым заканчивается стихотворение, риторические: «*How could I seek the empty world again?*» [Там же]. Героиня сомневается, что может позволить себе забыть умершего любимого человека.

В первой половине стихотворения героиня признает, что в течение 15 лет со дня смерти возлюбленного ее одолевали другие желания и надежды, и просит прощения за то, что забывает его: *While the world's tide is bearing me along / Other desires and other hopes beset me* [Там же].

Однако во второй части стихотворения она отрицает возможность забыть. Наоборот, героиня описывает своё чувство привязанности: *All my life's bliss is in the grave with thee* [Там же].

Перевод (А) точно передает это противопоставление из оригинала: *И мысли / Не вьются над возвышенностью той / <...> Любимый мой,*

прости, что отдаляюсь / И мрачными желаниями смущаюсь [Воспоминание]. Однако вторая половина стихотворения все же, как и оригинал, говорит о невозможности забыть: *Прости, я без тебя не знала света / Другая не светила мне звезда / Вся жизнь моя была твоей согрета / И все тепло замерзло навсегда* [Там же].

Перевод (Б) также сохраняет противопоставление — признание в том, что героиня стала забывать и невозможность забыть: *прости / желаний и надежд пустых бываю пленной и Рассветный солнечный поток не вдохновит меня / Лишь только ты и знал божественные струны / Мне смехом радостным печали не разрушить* [Памяти]. Однако перевод (Б) переориентирует читателя с героини живой, активной и думающей на мертвого возлюбленного, который, подобно привидению, летает и беспокоит живущих: *Твоя душа где в горных грядках вечно бродит* [Там же]. Такое смещение важного смыслового акцента порождает иные коннотации в переводе.

«Воспоминание» взывает к трем стихиям в первых трех строфах: земле, воде и воздуху, — воссоздавая образы, конвенциональные для человека XIX столетия. Четвертая стихия — огонь — появляется только во второй половине стихотворения в виде образов света, горения, утра. В «Воспоминании» противопоставляется могильный холод, в котором находится возлюбленный, теплу жизни, свойственному героине. Образы огня снова встречаются в третьей строфе с образами повторяющихся циклов природы: *the fifteen wild Decembers that have melted into spring* [Bronte]. Сравнивая природу с человеком, Э. Бронте признает, что Время все больше отделяет ее от умершего возлюбленного. В оригинале в этой строчке показано, что процесс отдаления возлюбленного и героини происходит постепенно и очень тяжело: *Severed at last by Time's all-severing wave*.

Оппозиция тепла и холода в стихотворении связана с другой оппозицией. Умерший возлюбленный заключен в могилу, придавлен шапкой снега, а героиня свободна. «Глубокий снег» в первой строчке стиха, могильный холод связаны и с чувствами героини, которые застыли, как снег, покрывающий могилу возлюбленного. Но поскольку героиня преодолевает свое нежелание выражать чувства, снег тает в «волне» четвертой строки и затем буквально «тает» с приходом весны в третьей строфе: *snow wave melted into spring*.

Однако героиня говорит не только об изменяющихся состояниях природы, но и о ее постоянстве, которое очевидно выражается в образе *the brown hills*. Эти холмы, с которых по весне сходят воды, остаются неуязвимыми для времени. Они меняют свой облик согласно времени года, но кардинально не меняются, символизируя некое постоянство, существующее

в природе. Так же и скорбь героини за пятнадцать лет не стала слабее, несмотря на появляющиеся желания и надежды.

В переводе (А) образы меняющейся природы и в то же время стабильности, постоянства земли сохранены. Все четыре стихии также присутствуют в переводе для противопоставления холода теплу: с одной стороны, *холодна могила / снег / волна / вода*, с другой — *свет / звезда / тепло / пламя*. Перевод (Б) также сохраняет эти элементы: *глубокий снег / холод / метель / волна / свет бледных лун и солнечный пот*¹. Снег, превращающийся в воду, бегущие ручейки на склонах гор символизируют слезы героини в конце стихотворения. Согласно П. Сэксу, исследователю английской элегии, такие средства, как вода, слезы, высвобождают энергию, замкнутую в горе. Слезы — признак горя [Sacks, 1985, p. 78]. Однако оба перевода не упоминают о слезах как признаке освобождения от тяжелых воспоминаний.

Проанализируем заключительную строфу оригинала и ее переводы (табл. 1). Ключевой вопрос всего стихотворения так и остается открытым: можно и нужно ли забыть возлюбленного, освободиться от памяти о нем?

Таблица 1

Сопоставление последней строфы оригинала с ее переводами²

Оригинал	Перевод (А)	Перевод (Б)
<p>And, even yet, I <i>dare not let it languish</i>, Dare not indulge in memory's rapturous pain; Once drinking deep of that <i>divinest anguish</i>, How could I seek the empty world again?</p>	<p><i>Я растоптала дерганое пламя, Ни искры не оставила в углях. Но — пившей горе долги-ми глотками — Что делать мне в иссохших этих днях?</i></p>	<p><i>Но, тем не менее, я всё еще живая, Хотя былого не вернуть, не воскресить. Мне жить, душою постепенно умирая. Лишь боги знают то, насколько хватит сил.</i></p>

В оригинале слово *again* и интонация вопроса противоречат ощущению финала стихотворения. Э. Бронте рифмует *again* с *rain*, подчеркивая, что боль может повторяться вновь и вновь, тем самым отрицая возможность избавиться от воспоминаний об умершем. В строфе используются три модальных глагола и один глагол в прогрессивном времени, вопросом

1 Образы, добавленные переводчиками, выделены жирным курсивом.

2 Элементы, опущенные в переводах, даны в оригинале в разрядку, функционально адекватные интерпретационные парафразы выделены жирным курсивом, а переводческие дополнения — курсивом.

заканчивается стихотворение, тем самым автор создает ощущение незавершенности из-за невозможности решить ключевую проблему. В отличие от персонажей английских элегий, исследованных П. Сэксом [Sacks, 1985, p. 76], героиня «Воспоминания» не уходит от скорби, она остается скорбеть и не понимает, как возможно избавиться от страдания? Отказ от законченности истории проявляется еще в двух формах — повторе слов, фраз, грамматических конструкций и в чередовании женских и мужских окончаний. Кроме того, в последней строфе есть указание на *восторженную боль памяти* и *божественную тоску* — ключевые концепты этого стихотворения. Боль и тоска — это те чувства утратившей близкого человека женщины, анализ которых интересен Э. Бронте. Очевидно, что для лирической героини эти чувства важнее, чем земные наслаждения, ее скорбь слаще обычной радости.

Переводы стихотворения Бронте на русский язык совершенно разные, следовательно, их авторы реализуют отличные друг от друга переводческие стратегии. По сути мы видим разные языковые личности переводчиков. В первых двух строках обоих переводов чувствуется желание героини прийти к какому-то решению. Героиня хочет отделить себя от прошлого, от воспоминаний об умершем, хотя в последних двух строках подразумеваются сомнения в том, что возможно забыть возлюбленного, особенно это чувствуется в переводе (А), который заканчивается вопросом: *Но — пившей горе долгими глотками — Что делать мне в иссохших этих днях?*

В переводах (А) и (Б) одно из ключевых слов финала оригинального стихотворения *again* было потеряно. Кроме того, нет в финале переводов и слова *pain*. В обоих переводах нет ключевых концептов стихотворения: *memory's rapturous pain u divinest anguish*. В оригинале героиня обожествляет боль и страдание, превозносит их, пьет медленными глотками, наслаждается. В переводе (А) есть и *боль*, но не в последней заключительной строфе, и *горе*, но без эпитетов, которые использует автор в оригинале. В переводе (Б) также упоминаются *боль*, *тоска*, *печаль*, но не в последней строфе.

Игнорирование авторского выбора ключевых слов в переводах приводит к смене общей модальности стихотворения. В переводе (А) чувствуется скорее завершенность, так как используются два глагола прошедшего времени совершенного вида (*растоптала* и *не оставила*), о незавершенности решения главной проблемы жизни героини говорит только форма вопроса последней строчки. Таким образом, общая модальность последней ключевой строфы изменена. В переводе (А) произошла частичная нейтрализация концептуальной программы оригинала, однако говорить

об элиминации подлинного смысла оригинала не приходится. В этом переводе переданы элементы концептуально-образной системы оригинала. Переводчик исходил, в основном, из стратегии функциональной аналогии. Были учтены в целом и внутритекстовые структурно-языковые связи. Однако учесть все внетекстовые характеристики, такие как ассоциативность, коннотативность, которые составляют общий образный потенциал стихотворения, очень трудно.

В переводе (Б) в ключевой последней строфе также была изменена модальность незаконченности, так как переводчик использовал глаголы совершенного вида (*былого не вернуть, не воскресит*), передающие уверенность героини. Вопросов в переводе много, но не в финале. В последней строфе нет ни одного ключевого концепта оригинала, хотя общее содержание перевода не противоречит содержанию стихотворения Бронте.

5. Заключение

Таким образом, оценивая переводы в терминах эквивалентности / адекватности, можно заключить, что поэтический перевод может быть эквивалентен оригиналу не в лингвистическом, а в эстетическом смысле, поэтому главное для переводчика — это сохранение основной идеи оригинала, которая заставляет переводчика искать эквивалентные языковые средства для ее выражения. В поэтическом переводе выбор используемых стратегий обуславливается личностью самого переводчика. Так, в переводах «Воспоминания» образная система оригинала была модифицирована, что привело к изменению эстетического и эмоционального фона русских вариантов стихотворения.

Однако переводчик волен интерпретировать поэтический образ сколь угодно разнообразно, поскольку сам образ неисчерпаем. Он может дать свое индивидуальное толкование образа, однако такое толкование не должно приравниваться к переосмыслению [Леонтьева, 2012, с. 97].

В переводах Т. Гутиной и Шерил Фэнн основное прочтение стихотворения оказалось правильным, но в обоих случаях поменялась тональность стихотворения. При этом сохранение особенностей рифмовки оказалось чрезвычайно важным, а передача основных концептов стихотворения во имя сохранения логики развития образа оказалась архиважной.

Частично ритм оригинала передан в обоих переводах. В последнем были добавлены образы, отсутствующие в оригинале, и поэтому произошла некоторая переориентация с боли, скорби и отчужденности, которые испытывает героиня, на страсть, смех и радость. Таким образом, переводчик меняет семантическое звучание образов оригинала. Новые обра-

зы вносят дополнительную экспрессию. Как следствие, появление новых смысловых оттенков и изменение ритмического рисунка похоронного марша, важного для передачи замысла автора, повлекло за собой искажение общего впечатления. Общий смысл в переводе сохранен, но лингвистически перевод сильно отличается от оригинала.

Если посмотреть на переводы анализируемого стихотворения с точки зрения сбалансированности формальных и смысловых элементов для получения максимально верного воссоздания подлинника, то перевод (А), выполненный Т. Гутиной, ближе к оригиналу и по форме, и по логике развития образа. Можно говорить об очевидном стремлении переводчика к достижению и эквивалентности, и адекватности. Но образную симметрию выровнять до конца не удалось, и о концептуальной гармонии, наверное, все же говорить нельзя. В целом, надо признать, что Т. Гутина, являясь единственным специалистом, выполнившим перевод всех стихов сестер Бронте, в большей степени приблизилась к глубокому психологизму Э. Бронте.

Произведения сестер еще ожидают новых литературоведческих исследований, основанных на новейших методиках герменевтики и рецептивной эстетики; они могут стать материалом для психоаналитического и интертекстуального прочтения [Назаренко, 2009, с. 69].

Источники

1. *Воспоминание* [Электронный ресурс] / Э. Бронте ; перевод Т. Гутиной. — Режим доступа : <http://brontesisters.ru/writings/poems/emily/remembrance>.
2. *Памяти**** [Электронный ресурс] / Э. Бронте ; перевод Ш. Фэнн. — Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2017/03/21/4804>.
3. *Bronte E. Remembrance* [Electronic resource] / E. Bronte. — Access mode : <http://brontesisters.ru/writings/poems/emily/remembrance>.

Литература

1. *Воскобойник Г. Д.* Когнитивный диссонанс как проблема теории и практики перевода : основные концептуальные положения : авторский проект / Г. Д. Воскобойник. — Иркутск : ИГЛУ, 2002. — 31 с.
2. *Гражданская З. Т.* Сестры Бронте [Электронный ресурс] / З. Т. Гражданская // История английской литературы. Том II. Выпуск второй. Глава 5. — Режим доступа : <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/istoriya-anglijskoj-literatury/glava-5-sestry-bronte-grazhdanskaya.htm>.
3. *Дьяченко Ю. В.* Рецепция творчества сестер Бронте в русской литературе XX — XXI вв. : проблема повествования : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Ю. В. Дьяченко. — Томск, 2015. — 212 с.

4. *Кашкина А. В.* Поэзия, перевод и обучение (на материале итоговых студенческих работ по спецкурсу «поэтический перевод») / А. В. Кашкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 2. — С. 112—118.

5. *Леонтьева К. И.* Верность интерпретации vs. «нейтрализация» при переводе поэзии / К. И. Леонтьева // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании : материалы Международной научно-практической Интернет-конференции, посвященной 70-летию Факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета. — 2012. — С. 95—104.

6. *Михайлова И. М.* О методах и целях анализа стихотворных переводов (на примере русских переводов нидерландской поэзии) / И. М. Михайлова // Вестник Санкт-Петербургского университета Серия 9. — 2007. — № 3—2. — С. 188—193.

7. *Назаренко Н. И.* Рецепция творчества сестер Бронте в российской и украинской критике / Н. И. Назаренко // Вестник Пермского университета. — 2009. — Выпуск 3. — С. 65—70.

8. *Тарасова М. А.* Перевод поэзии как дискурсивная практика : коммуникативный аспект / М. А. Тарасова // Коммуникативные исследования. — 2016. — № 1 (7). — С. 82—91.

9. *Черкесова З.* Поэзия и проза Эмили Бронте [Электронный ресурс] / З. Черкесова. — Режим доступа : <http://www.stihi.ru/2012/06/22/2397>.

10. *Gezari J.* Last Things. Emily Bronte's Poems / J. Gezari. — New York : Oxford University Press, 2007. — 196 p.

11. *Leavis F. R.* Revaluation : Tradition and Development in English Poetry / F. R. Leavis. — London : Chatto & Windus, 1953. — 292 p.

12. *Sacks P.* The English Elegy : Studies in the Genre from Spenser to Yeats / P. Sacks. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1985. — 392 p.

Psychologism of E. Bronte's Poetry (by Example of Poem "Remembrance" and Its Russian Translations)

© **Shevchenko Olga Gennadyevna (2018)**, PhD in Philosophy, associate professor, Department of Foreign Languages, Faculty for Humanities, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia), olga-ivleva@yandex.ru.

Significance and deep psychologism of one of Emily Bronte's most famous poems "Remembrance" is considered. Attention is paid to the analysis of translations of this poem into Russian. The results of comparative analysis of two translations of this poem made by T. Gutina, famous translator of E. Bronte's poetry, and Sh. Fenn, translator under the pseudonym, are presented. The question of relevance of the study of Emily Bronte's poetry from the standpoint of psychoanalysis is raised. Special attention is paid to equivalence and adequacy in the translation of poetry. The key positions of the analysis of the

translations of the poem by E. Bronte necessary for the transmission of the meaning of her poetry are determined. The novelty of the research lies in the fact that Emily Bronte, the author of the novel "Wuthering Heights," well-known to Russian readers, is completely unknown for her poetry, which is rightfully worthy of attention of readers. The relevance of the research is due to the need to determine the basic key positions of the poetry translation, namely: preservation of the logical content, rhythmic and melodic pattern, stylistic expression when translating. The facts are given, urging that to pass the rhythm of a funeral march is fundamental for the poem "Remembrance", and it was implemented in translators in full. The author focuses on the analysis of the system of images, as well as those formal characteristics of the poem, which contribute to the understanding of its deep meaning.

Key words: Emily Bronte's poetry; poem "Remembrance"; adequacy; equivalence of translation.

Material resources

- Bronte, E., Gutina, T. (per.) *Vospominaniye*. Available at: <http://brontesisters.ru/writings/poems/emily/remembrance>. (In Russ.).
- Bronte, E., Fenn, Sh. (per.) *Pamyati****. Available at: <http://www.stihi.ru/2017/03/21/4804>. (In Russ.).
- Bronte, E. *Remembrance*. Available at: <http://brontesisters.ru/writings/poems/emily/remembrance>. (In Engl.).

References

- Cherkesova, Z. *Poeziya i proza Emili Bronte*. Available at: <http://www.stihi.ru/2012/06/22/2397>. (In Russ.).
- Dyachenko, Yu. V. 2015. *Retseptsiya tvorchestva sester Bronte v russkoy literature XX—XXI vv.: problema povestvovaniya: dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01. Tomsk*. (In Russ.).
- Gezari, J. 2007. *Last Things. Emily Bronte's Poems*. New York: Oxford University Press. (In Engl.).
- Grazhdanskaya, Z. T. Sestry Bronte. In: *Istoriya angliyskoy literatury, II (2 / 5)*. Available at: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/istoriya-anglijskoj-literatury/glava-5-sestry-bronte-grazhdanskaya.htm>. (In Russ.).
- Kashkina, A. V. 2016. Poeziya, perevod i obucheniye (na materiale itogovykh studentcheskikh rabot po spetskursu «poeticheskiy perevod»). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 2: 112—118. (In Russ.).
- Leavis, F. R. 1953. *Revaluation: Tradition and Development in English Poetry*. London: Chatto & Windus. (In Engl.).
- Leontyeva, K. I. 2012. Vernost' interpretatsii vs. «neytralizatsiya» pri perevode poezii. In: *Ponimaniye i refleksiya v kommunikatsii, kulture i obrazovanii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy Internet-konferentsii, posvyashchennoy 70-letiyu Fakulteta inostrannykh yazykov i mezhdunarodnoy kommunikatsii Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 95—104. (In Russ.).

- Mikhaylova, I. M. 2007. O metodakh i tselyakh analiza stikhotvornykh perevodov (na primere russkikh perevodov niderlandskoy poezii). *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta Seriya 9, 3—2*: 188—193. (In Russ.).
- Nazarenko, N. I. 2009. Retseptsiya tvorchestva sester Bronte v rossiyskoy i ukrainskoy kritike. *Vestnik Permskogo universiteta, 3*: 65—70. (In Russ.).
- Sacks, P. 1985. *The English Elegy: Studies in the Genre from Spenser to Yeats*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. (In Engl.).
- Tarasova, M. A. 2016. Perevod poezii kak diskursivnaya praktika: kommunikativnyy aspect. *Kommunikativnyye issledovaniya, 1 (7)*: 82—91. (In Russ.).
- Voskoboynik, G. D. 2002. *Kognitivnyy dissonans kak problema teorii i praktiki perevoda: osnovnyye kontseptualnyye polozeniya: Avtorskiy proekt*. Irkutsk: IGLU. (In Russ.).